

Забудь. В конце концов, ему всё равно предстоит прожить в доме Хо Цина ещё какое-то время, так что он успеет во всём разобраться.

Как раз в тот момент, когда он размышлял об этом, Хо Цин толкнул дверь и вошёл.

— Ваше Величество, раз уж вы проснулись, не пора ли вам собираться обратно во дворец?

— А? Это потому, что я слишком много съел?

На лице Хо Цина промелькнуло выражение немого укора.

— За последние дни скопилось множество государственных дел, требующих вашего утверждения. Ян Цун и другие сановники уже не раз просили аудиенции.

— Ха, и только-то? Пусть приносят доклады сюда, велю министрам проводить совещания прямо здесь.

Как ни странно, Хо Цин не стал возражать.

Поэтому, когда Ян Цун вошёл в комнату, он увидел, как император, ничуть не смущаясь, полулежит в постели, а первый министр Хо сидит рядом на деревянном стуле.

Стоило императору в чём-то нуждаться, Хо Цин мгновенно реагировал. Даже такие мелочи, как подать чаю или воды, он делал сам.

Давно ходили слухи, что император получил ранение, спасая Хо Цина, поэтому такая близость между ними, должно быть, лишь способ отплатить за доброту.

Вряд ли это могло быть чем-то иным.

Увидев Ян Цуна, Чжао Линь искренне обрадовался.

— Ян Цун, прошлая конфискация имущества прошла успешно?

Глаза Ян Цуна слегка повлажнели.

— Ваше Величество, всё прошло гладко. Все деньги доставлены и опечатаны в государственной казне. Ни одной медной монеты не пропало, они ждут, когда вы их пересчитаете.

Однако улыбка на губах Чжао Линя при этих словах постепенно угасла.

— Почему их не отправили в Шаньдун?

— По приказу государственного опекуна, — ответил тот. — Сказал, что на южном фронте не хватает жалования, солдаты голодают, поэтому нужно перенаправить средства туда.

Чжао Линь, державший в руках чашу с лекарством, тут же выронил её, и она разбилась вдребезги.

В комнате никого не было, так что Чжао Линь мог не сдерживать свой гнев.

Хо Цин не стал его успокаивать, лишь молча наблюдал.

Ян Цун, ещё молодой и горячий, не выдержал.

— Ваше Величество, я услышал кое-что, не знаю, стоит ли говорить.

Чжао Линь был вне себя от ярости.

— Говори.

В глубине души Ян Цун колебался. Он не знал, не вернётся ли император к прежнему состоянию, и не оборвётся ли его собственная удача, которая сопутствовала ему в последнее время, из-за этих слов.

Но ради блага государства Дашэн и облегчения участи простого народа он был готов рискнуть всем.

— Ваше Величество, до меня дошли слухи, что на южном фронте государственный опекун часто пирует с князем Цзянся. Они ведут войну, соблюдая древние ритуалы, и начинают сражения лишь после предварительных переговоров.

— Солдаты на юге все как один откормленные, говорят, вокруг театра военных действий уже выстроены целые жилые кварталы, и самый прибыльный бизнес там — публичные дома.

Чжао Линя от возмущения перехватило дыхание. Хо Цин, обеспокоенный его состоянием, жестом показал Ян Цуну замолчать.

Но эмоции, которые Ян Цун подавлял слишком долго, наконец вырвались наружу, и он не мог остановиться.

Он бухнулся на колени.

— Ваше Величество, я не знаю, что заставило вас измениться, но раз уж у вас появилось желание что-то исправить, прошу, сделайте что-нибудь для народа Дашэна! В пострадавшем от бедствия Шаньдуне не осталось и десятой части жителей, кругом лишь трупы, люди уже начали меняться детьми, чтобы съесть их!

Глаза Чжао Линя налились кровью, он резко повернулся к Хо Цину.

— Хо Цин, если я пойду на это, ты сможешь меня прикрыть?

Хо Цин отряхнул полы своего халата.

— Главное, не проткни небо.

— Глупости, я и есть небо, — на губах Чжао Линя появилась жестокая усмешка.

В этот момент подала голос система: Хозяин, устранение кризиса с пострадавшими в Шаньдуне открыто как побочное задание. В случае успеха вы получите двадцать очков. Принимаете?

— Принимаю.

Затем, тайно обсудив всё с двумя министрами, Чжао Линь распространил слух, что его состояние резко ухудшилось и он не может заниматься делами, поэтому поручает управление государством своему названому отцу Ван Шо.

Когда Ван Шо получил указ, его сердце, до этого сжатое тревогой, наконец успокоилось.

Ли Чуаньсинь, прислуживавший рядом, прошептал:

— Приёмный отец, похоже, император больше всего ценит именно вас.

Ван Шо поставил чашку с чаем.

— В конце концов, я его вырастил, куда он денется?

— Вы мудры, отец. Но император всё ещё не позволяет мне находиться рядом.

Ван Шо бросил на него сердитый взгляд.

— Вы в этот раз зашли слишком далеко. Он всё-таки император, нужно соблюдать приличия.

Он просто распутный и недалёкий, но не глупый.

— Сын осознал свою ошибку.

Ван Шо поднялся.

— Ладно, я сам поеду и заберу его во дворец. Негоже императору вечно жить в доме министра. Впредь прислуживай ему осторожнее.

— Слушаюсь.

Однако, когда Ван Шо прибыл в поместье Хо Цина, он увидел императора при смерти.

— Министр Хо, что происходит? Ещё вчера он был в полном порядке!

— Государственный опекун, не говорите ерунды. Император встал вчера лишь потому, что услышал, как вы не хотите заниматься теми охранниками. Вероятно, он был так разгневан, что сегодня впал в беспамятство.

Ван Шо всегда передвигался с большой помпой.

Получив полномочия регента, он, чтобы забрать императора, пригнал не только гвардию, но и почти весь чиновничий аппарат.

Их разговор был достаточно громким, и все окружающие сановники всё прекрасно слышали.

Ван Шо, всегда выставлявший себя преданным слугой, оказался в неловком положении. Чтобы скрыть это, он воскликнул:

— Где императорские лекари? Живо осмотреть Его Величество!

Глава медицинской коллегии Чжан, уже давно живший в поместье, поспешил к ним.

— Докладываю государственному опекуну, у Его Величества кровь ударила в сердце, вызвав острый приступ. Теперь всё зависит от воли Небес, очнётся он или нет.

— Шарлатан! Ищите других врачей! Не поверю, что во всём Дашэне не найдётся того, кто спасёт императора.

Ван Шо можно было понять. Сейчас было совсем не время для смерти Чжао Линя. Его

приёмная дочь, наложница Лян, была беременна, и никто не знал, родится ли принц или принцесса. Если Чжао Линь умрёт сейчас, он, будучи евнухом, не сможет стать императором, а наследника у него не было — удержать власть не удастся.

Хо Цин бросил взгляд на лекаря Чжана.

Тот тут же упал на колени.

— Государственный опекун прав, но до тех пор, пока мы не найдём искусного врача, прошу оставить императора в поместье Хо Цина. Жизнь Его Величества висит на волоске, риск смерти огромен, и если что-то случится по пути во дворец, никто не возьмёт на себя ответственность.

Ван Шо, охваченный тревогой, немного остыл. Действительно, только живой император был ему выгоден.

Наставник Линь пытался возразить, поглаживая бороду, но был подавлен властным напором Ван Шо.

Так в поместье Хо Цина наконец воцарилась тишина.

Как только все ушли, Чжао Линь, ещё минуту назад бывший при смерти, резко открыл глаза.

— Эти старые пни такие назойливые! Скорее несите поесть, я с голоду умираю.

Хо Цин с улыбкой, вспомнив что-то, вдруг щёлкнул Чжао Линя по гладкому лбу.

— Ах ты, только о еде и думаешь.

Оба замерли.

Хо Цин смутился, осознав, что в порыве забыл о дистанции.

А Чжао Линь застыл, услышав в голове сообщение системы: Поздравляю хозяина, сегодняшняя отметка выполнена.

Он ошеломлённо поднял взгляд на Хо Цина. Значит, для успешной отметки нужно было физическое прикосновение?